

Василь Быков

Афганец

Последние три или четыре ночи, вдрызг разругавшись с женой, Ступак ночевал в гараже. А потом и дневал, потому как твердо решил не возвращаться на свой пятый этаж силикатной хрущевки. Коли так получилось, что он стал там нелюбимым и ненавистным, что появился кто-то лучший, так пусть жена подавится и тешится с новым женихом, а ему, законному мужу пути туда больше нет. Все-таки он мужик гордый и просить не будет. Тем более, что вся его жизнь, кажется, пошла наперекосяк, так что уж тут жалеть о квартире?

Его неприятности начались в конце зимы с того, что неожиданно сдох еще недавно процветающий «почтовый ящик». Заказы Министерства обороны вдруг закончились, рабочим перестали платить, и Ступак, плюнув на новые порядки, подал заявление «по собственному». Думал, немного отдохну и найду что-нибудь для себя более приемлемое. Правда, тогда была еще надежда на жену, Людмилу Петровну, работавшую бухгалтером в банке. Но, видно, так уж повелось в жизни, что где тонко, там и рвется, так все разорвалось с Людкой. Неожиданно для себя он

узнал, что у нее появился ухажер на стороне и не абы кто, а директор того же банка. Известное дело, не обошлось без злой ссоры, ругани, жена сначала все отрицала, а когда он вlepил ей хороший подзатыльник, со злостью призналась, что да, есть у нее другой, настоящий мужик, не то, что ты — тля.

Себя не можешь прокормить, а не то, что жену с ребенком. Ступак все понял и, правильно оценив обстановку, захватил пиджак и треснул дверью. Это уж слишком, все-таки он не тля, он человек с характером, а, кроме того афганец. А уж если выпивает иногда лишку, так кто же сегодня не пьет? Разве что больные, потому что нельзя или те, у кого и выпить не на что. Другое дело, и у него в последнее время часто не было, за что выпить...

Металлический гараж, сваренный из листов железа, примостился на краю городского двора, около небольшой аллеи липок, рядом с такими же гаражами-временками для автомобилей. Гаражи здесь были уже лет десять, когда выяснилось, что стояли незаконно — вышло постановление их снести. Куда? вопрошали их владельцы, и, не получив ни одного ответа, справедливо решили а вот вам, выкусите! Ничего мы сносить не будем.

На удивление всем, от них отстали, перестали наклеивать на ржавые двери грозные предупреждения. Гаражники было подумали, что победили, но в начале лета всех вызвали в

налоговую инспекцию, где каждому выписали налог и штраф. Штраф оказался большим, но гаражники-пенсионеры, дождавшись пенсий, все-таки сумели заплатить. Ступак второй раз сказал: «Выкусите!», у него уже давно не было денег не только на штраф, но и на кружку пива похмелиться поутру.

Неподалеку от гаражей уютилась детская песочница и беседка с проломанным полом, пустовавшие целыми днями, так как детишки из соседних домов, известное дело, давно выросли, а новые не рождались. Только под вечер, ближе к ночи, там появлялась ватага подростков из соседних ПТУ или школы, эти уже и выпивали, и курили, и, может даже, кололись, часто с ними были девчонки, матюкавшиеся не хуже ребят, нисколько не обращая внимания на редких взрослых у гаражей. Однажды, не выдержав шума и гвалта, Ступак попробовал их утихомирить, пообещал вызвать милицию. В беседке на некоторое время притихли, потом из темноты донесся молодой басок: «Думаешь, железо, так и не горит?» У Ступака отнялся язык, намек получился очень выразительный, он хорошо знал, как горит железо. Сам под Кандагаром едва унес ноги из БТРа, который занялся таким страшным пламенем, что расплавился весь асфальт на дороге. Тогда он шуганул эту ватагу парней, хоть и подумал, что

такое соседство может для него плохо кончиться. Не сгорел в Афгане, так не хватает еще сгореть в гараже на собственном дворе. Скорее всего, это была мальчишеская бравада, может никто бы и не подумал поджигать его гараж, однако...

Баксов, что выручил за свой «Москвич 412», еще весной стоявший в этом гараже, давно не было. Тогда казалось, что восемьсот баксов хватит надолго, все же немалые деньги.

Впрочем, так же считали и соседи по гаражу, вечерком присаживаясь в его опустевшем гараже возле застеленной газетой промасленной табуретки.

Соседи, вообще-то, были люди неплохие, это они убедили его расстаться с надоедой-москвичом, советовали присмотреть иномарку, которые все чаще появлялись в их дворе. Конечно, он был бы не против пересесть на «Опель» или «Мерседес» и уже приглядывался к ним на улице, но уж так случилось, что баксы закончились гораздо раньше, чем он успел приглядеть подходящую модель.

К тому, что осталось, надо было доложить очень много, а докладывать было не из чего, а к жене он даже и не думал соваться. Тогда он плюнул на все иномарки сразу и на последние десять баксов купил две поллитровки, какую-то закуску и справил поминки по своим недавним помыслам. В конце-то концов, можно прожить и без машины — меньше хлопот и опять же свободней стало в гараже.

Однако, это только казалось, без денег прожить было невозможно, в этом он скоро убедился. Обычно под вечер в будни или в выходные у гаражей собирались их владельцы, распахивали настежь ворота и начинали копаться в двигателях или перебирать всякую мелочь в багажниках. А потом, перекуривая во дворе, начинали неторопливее беседы про беды своих «запорожцев», обсуждали цены на бензин. После длительного бензинового дефицита, тот, наконец, появился на заправках, но цены так подскочили вверх, что в глазах потемнело. Правда, Ступака это уже мало волновало, бензин ему больше был не нужен, эти заботы его не трогали. Его волновало другое: когда же кончится эта неустроенность, безработица и безденежье, когда он, здоровый мужик, получит, наконец, работу и будет зарабатывать себе на жизнь?

Моложавый доцент Минкевич, ездивший на неплохой «семерке», глубокомысленно объяснял, что причина всего — энергетический кризис, надо искать альтернативные источники снабжения страны нефтью, однако все упирается в реакционное руководство, которое ориентируется только на восток. Сазон Иванович, седой ветеран, с другого конца гаражей, на это авторитетно возражал, что все дело в развале великого могучего государства под названием Советский Союз. Его

сосед, которого все называли немного невежливо Плешкой за его лысину, говорил очень мало, но всегда так, словно забивал гвоздь: за кого проголосовали, того и получили. Лучшего не заслужили.

Костлявый Плешка знал, кто из соседей за кого голосовал, все рассказывали об этом за табуреткой в гараже Ступака, знал это и Ступак, потому что сам голосовал так же. Так на кого же теперь обижаться? Сначала он сомневался в своем выборе, все думал, что дела в стране как-нибудь поправятся, но время шло, а дела катастрофически ухудшались. Те, кто воровал, стали воровать еще больше, а главное — на законном основании, в пригородах, как на дрожжах, росли дачи-дворцы, рабочих увольняли, а тем, кто еще работал, почти ничего не платили, не хватало денег. Зато этих же денег вполне хватало для громадной милицейской стаи, ОМОНа, всех этих спецслужб, что кишмя кишели на улицах столицы.

Доведенный голодом до отчаяния, Ступак отправился к руководителю общества афганцев, но тот только развел руками — что я могу? Денег у меня нет. Однако по телевизору он все время твердит, что воинам-афганцам прямо-таки необходима всяческая помощь. Вот он пусть и помогает, ответил руководитель общества. Ступак прикрутил к пиджаку свой орден и пошел в

резиденцию-дворец, но его уже на пороге остановила охрана. Как он не доказывал, что он и орденосец, и раненый, пройти внутрь ему не удалось. Он их хорошенько обругал, заодно их хозяина, и поплелся домой. В свой опустевший гараж. Он бы все кое-как перенес, если б каждый день не хотелось есть. В своем дворе, среди знакомых и незнакомых он, однако, помалкивал. Не привык он говорить про жизнь, особенно по поводу властей, лучше держать язык за зубами. Так когда-то учил его отец, наставляли в комсомоле, потом в армии и партии, из которой, он считал, что выбыл в памятную осень девяносто первого года. Партбилет, правда, не сжег, сунул под белье в женином шкафу, пусть валяется. Может и сейчас там лежит.

Однажды он хорошо набрался с ребятами на сороковинах инвалида, тоже афганца, до времени сгоревшего от водки, и ночью едва добрался до своего жилища. Проснулся рано, чувствовал себя паскудно, болели голова и сердце, совсем не хотелось жить. Кое-как дождавшись, когда рассветет, встал, приладил под потолком петлю из капронового буксирного троса, на середину гаража подвинул табуретку. Только хотел встать на нее, как в двери тихо постучали и он понял, что это кто-то из своих. Отбросив в сторону табуретку, открыл дверь, — напротив стоял сосед, молодой

парень Алексей, просил струбцину. Ступак отправился искать по темным углам инструмент, а Алексей, стоя посреди гаража, спросил: «А это что за веревка у вас?» «Да, так, привязывал кое-что» — соврал хозяин замогильным голосом, словно возвращаясь с того света. Потом, когда парень ушел, его прежняя решимость совсем пропала, осталась только всеобъемлющая тоска. С открытыми глазами он полдня провалялся на раскладушке, а потом побрел к пивному ларьку, где долго прождал первого знакомого. Едва дожид тот день до вечера.

Сам Ступак был человек молчаливый, но разговоры других слушать любил, особенно, если речь заходила о политике, от которой теперь все зависело. Да еще такая политика, в которой было не столько ума и рассуждений, сколько скандалов и циничной лжи. Лгала власть, лгал криминалитет, который множился и от него не стало продыху простому человеку. На днях в соседнем дворе из-под окна украли, правда, не новый БМВ, только что пригнанный из Германии. Несмотря на заграничный «аларм», который хозяин демонстрировал целый вечер, давая понять тем самым, что не стоит машину красть — загудит, заверещит. Но не заверещал и не заголосил БМВ, как его увели со двора и теперь он навсегда пропал. Люди говорили — милиция, кто ж еще так умеет?

Может и милиция, думал Ступак. У пенсионера из соседнего дома именно милиция нашла украденный еще зимой «жигуль», но кузов оказался перекрашен, номера перебиты и машину хозяину не отдали, так как, видите ли, появились сомнения. После того, как машина постояла на милицейском дворе полгода, от нее мало что осталось раскулачили вдрызг. Стоял голый кузов. Может, и хорошо, что Ступак загнал к чертовой матери свой «москвич», меньше забот и больше безопасности.

По причине безденежья он почти не читал газет, разве что случайно, но после этого нервничал и расстраивался, аж свербело поругаться. Газеты ввали так нагло, как не ввали никогда до этого даже при советах. А кроме этого в каждом номере — указы, декреты, законы и пропасть всяких поправок к предыдущим законам, бесконечные речи самого, от которых хотелось взвыть. Все указывал, требовал, угрожал и обманывал — как когда-то политруки в армии, как в том же самом Афгане. Что значит милиционер, который не накомандовался в своей полицейской службе и теперь сполна удовлетворяет свой командирский зуд. И, как ни удивительно, это многим нравилось, пенсионеры, военные отставники словно зачарованные, читали все его выступления в газетах, все его декреты и, вряд ли что понимая в этом многословном пустозвонстве, одобряли. «Может порядок наведет»

— стало их неизменным аргументом. Хотя, какой им нужен порядок в беззаконной стране, неизвестно. Скорее всего, они и сами этого не понимали.

Сколько раз Ступак пробовал послушать его по телевизору, но не выдерживал и пяти минут, глубиной души чуя фальшь его пышных слов, и только удивлялся, как этого не слышали другие. Взять хотя бы его жену. Стоило Ступаку посреди его выступления ткнуть пальцем в какой-нибудь другой сенсор, переключиться на другой канал, как она бросалась к телевизору и возвращала все на свое место. И жена, и ее младшая сестра могли с замиранием сердца слушать и смотреть его хоть до утра. А на ступаковы упреки обычно отвечали: ну как можно брезговать выступлением такого видного сексуального мужчины. Они просто млели от одного взгляда на его всегда гладко выбритое лицо с загадочным, почти соколиным взглядом, тугими щеками и мощной нижней челюстью, которая просто вылезала из экрана. В такие минуты Ступак был готов возненавидеть весь женский род, а не только собственную жену. Ее он уже давно ненавидел, нутром ощущая ее фальшивую сущность, дешевое актерство, рассчитанное на дураков или подлецов.

А как он ездил по городу? Движение на улицах замирало, гаишники переключали

светофоры и с палками выскакивали на перекрестки выгонять тех, кто не успел убраться с дороги. Все выглядело на улице так, будто ожидался конец света, когда вдали бешено выскакивали три-четыре черных автомобиля, уступами справа и слева, следом за милицейской мигалкой, и мчались дальше. По всем пути их следования прижимались к тротуару все машины частных или, как их еще называли, автолюбителей. Однажды Ступак не успел в такой момент остановить свой «москвич», так как не было возможности приткнуться к тротуару, где уже стояли автобусы, как гаишник коршуном налетел на него, обругал, забрал документы, за которыми потом пришлось не один раз ходить в контору.

Оглядевшись и разобравшись, кого они избрали, мужики начали упрекать один одного за свой глупый выбор. Точно так же мог упрекнуть себя и Ступак. Он тоже голосовал за него. А как было голосовать за его соперника, как говорили некоторые, «националиста»? Может он был и неплохой парень, ученый, да только что он мог сделать с этим народом, который привык только лодырничать и воровать? Который наполовину сложился из коммунистов и комсомольцев, а вторая половина которого обслуживала КГБ?

А тут еще он объявил, что узаконит частную собственность и введет обязательный

национальный язык, который почти все уже забыли — и в городе и на селе. Ступак начал от него отвыкать еще в армии, хотя для него, деревенского парня, овладеть как следует русским языком было трудно. Он долго не мог правильно произносить многие русские слова (тряпка, например, за что его дразнили в роте — «трапка»). И вот, только он отучился, в основном, от деревенского языка, заговорил, как многие в городе, по-русски, как этот ученый-националист собирается всех переучить назад, по-деревенски. Нет, с этим Ступак был не согласен. Пусть уж деревенские родители договаривают свой век, как умеют, а он останется при городском языке. Как все начальники. Как все вокруг. А кроме того, он угрожал на митингах коммунистам, номенклатурщикам и кэгебистам. Как раз перед этим Ступака приняли в партию, появилась некоторые новые перспективы, и он сознательно проголосовал за милиционера, такого же коммуниста. Правда, уже тогда как-то слабо надеясь, что его все-таки не выберут. Так нет же, выбрали на свою голову.

Где-то в середине лета, когда нужда совсем допекла, он вздумал съездить к отцу. Как раз в ту сторону ехал Плешка на своем «запорожце», взялся подвезти. Выехали спозаранку, по холодку, на улицах было еще свободно от автомобилей, «запорожец» весело тархтел свои двигателем,

казалось вот-вот пойдет вразнос и развалится. Однако не развалился, шустро катил по шоссе. За городской чертой на перекрестке уперлись в шлагбаум ГАИ — проверка документов, как когда-то в Афгане. Но там, понятно, шла война, а здесь...

Хмурые от недосыпа парни в камуфляже с автоматами на груди придирчиво осмотрели плешкины права, заглянули в салон, багажник. Плешка, неожиданно для своего возраста и вопреки характеру начал лепетать что-то, словно подлизываясь, как будто был в чем-то виноват. Ступак же чувствовал только злость, когда эти молокососы придирчиво исподлобья оглядывали его, запасника-афганца, награжденного боевым орденом. Кто они такие? Хоть раз стреляли из этих автоматов по живым людям, раздраженно думал он.

Потом, уже на дороге, может, размякнув на КПП, Плешка начал жаловаться на трудную жизнь. На свою трудовую пенсию нужно было еще поддерживать и дочку с двумя внуками, которая вот уже второй год нигде не работает. На старости лет, вместо того, чтобы забивать «козла» в домино или сидеть с удочкой на речке, он вынужден ремонтировать чужие машины, отбивать пальцы на кузовном ремонте. Однако ж какой никакой лишний рубль на поддержку дочки. Вообще-то, плешкина дочка не была исключением, сегодня

многие молодые жили на нищенские пенсии родителей. Ступак, отправляясь в деревню, тоже надеялся хоть чем-нибудь поживиться у отца. Он расслабленно сидел рядом с Плешкой, сосредоточенном на дороге, и, когда тот замолчал, сам начал разговор. Приперло поговорить, рассказать про свое наболевшее. Там, около гаражей, Плешке некогда было слушать, а тут он никуда не денется, выслушает все думал Ступак.

— Вот и говорю тем типам в военкомате, что я не сам туда напросился, меня послали выполнять интернациональный долг, а что получил за это выполнение?

— Лучше б ты его не выполнял, — не очень ласково заметил Плешка.

— Это как? Не выполнял?

— А так. Больше б пользы было.

— Кому пользы? — что-то не мог понять Ступак, — Если б не мы, душманы захватили бы Афган!

— А зачем им его захватывать? Это и так их страна.

— А американцы? Они бы быстренько сели на наши границы.

— И пусть бы сидели. Нам-то что до этого?

— Ну, знаешь! — начал горячиться Ступак. Ему были непонятны возражения соседа, с таким он еще не встречался.

— А вот теперь Чечня, — спокойно продолжал Плешка. — В Афгане интернационалисты, а в Чечне — федералы. А все наша молодежь гибнет. А зачем ее гробить? — рассуждал Плешка, разъезжаясь с трактором, тянувшим вихляющий прицеп.

— А в Чечне наших нет. А то я, может, и сам поехал. — сказал Ступак, От жизни такой.

— Ну и дурак, — просто откликнулся Плешка, — в Афгане не научился?

Называется поговорили! — подумал Ступак. Этот пенсионер Плешка думал как-то уж очень по-своему, молодые все-таки думали иначе, вот что значит разные поколения.

Хотя что Плешке — он получает пенсию, а что и где получает Ступак? Он хорошо тогда выпил у отца, который жил бобылем в крайней от леса хате. Да и всего-то остались в деревне четыре хаты, в которых жили одинокие старики. Коровы у отца давно не было, не было даже курицы. Да и зачем они? На дворе за забором было несколько борозд картошки, хлеб привозили в соседнюю деревню, давали две буханки на неделю, старику хватало. И он не жаловался. Когда приехал сын, сходил к соседу Петроку, принес бутылку самогонки, потом приковылял и сам поседевший согнутый Петрок. Хоть и старые и немощные, но неплохо врезали самогонки с молодым, не прекращая своей